

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.997
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2020 Issue: 06 Volume: 86

Published: 17.06.2020 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Elena Anatolevna Sattorova
Termez state University
Senior lecturer of the Department of
Russian linguistics, Uzbekistan

GENDER-POLITE EUPHEMISMS OF THE LINGUISTIC AND CULTURAL CONCEPT «WOMAN» IN COMPARISON OF RUSSIAN AND UZBEK LANGUAGES

Abstract: The article analyzes the comparison of gender-polite euphemisms of the linguoculturological concept "woman" in comparison of the Russian and Uzbek languages.

Examples of euphemisms in relation to the concept of "pregnant woman" are analyzed in the comparative plan of two completely different languages that occur in the process of modern communication. We consider the strategies of politeness and its accompanying national-cultural principles that dictate the creation and use of gender-polite euphemisms when addressing women, and describe the ethnic and socio-cultural features of the compared languages.

Key words: euphemism, comparison, concept, linguo-cultural studies, gender linguistics, stereotypes, mentality.

Language: Russian

Citation: Sattorova, E. A. (2020). Gender-polite euphemisms of the linguistic and cultural concept «woman» in comparison of Russian and Uzbek languages. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 06 (86), 39-42.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-06-86-7> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2020.06.86.7>

Scopus ASCC: 1203.

ГЕНДЕРНО-ВЕЖЛИВЫЕ ЭВФЕМИЗМЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В СОПОСТАВЛЕНИИ РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация: Статья посвящена анализу сопоставления гендерно-вежливых эвфемизмов лингвокультурологического концепта «женщина» в сопоставлении русского и узбекского языков.

Анализируются примеры эвфемизмов по отношению к понятию «беременная женщина» в сопоставительном плане двух совершенно разнотипных языков, которые встречаются в процессе современной коммуникации. Рассматриваются стратегии вежливости и сопутствующие ей национально-культурные принципы, диктующие создание и употребление гендерно-вежливых эвфемизмов при обращении к лицам женского пола, и описываются этнические и социокультурные особенности сопоставляемых языков.

Ключевые слова: эвфемизм, сопоставление, концепт, лингвокультурология, гендерная лингвистика, стереотипы, менталитет.

Введение

Эвфемизмы по своей природе представляют собой сложное и многоплановое явление.

Ученые-лингвисты, занимающиеся изучением эвфемизмов, объясняют некоторые его особенности и свойства неоднозначно, уделяя, как правило, особое внимание какой-либо одной стороне вопроса.

Подходы к изучению явления эвфемистических замен разнообразны и

многочисленны и зависят напрямую от того аспекта, который подвергается исследованию и анализу [1, с. 15].

С точки зрения гендерной лингвистики подходит к проблеме использования в языке эвфемизмов Г.А. Вильданова. Она выделяет в языке гендерно-вежливые эвфемизмы, отражающие гендерные стереотипы. Исследователь отмечает перенос эвфемизации, связанной с языком женщин, из личной сферы в

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.997
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

социальную [2, с. 7]. Рассмотрев эвфемизмы в речи мужчин и женщин, В.Ю. Харитонова наблюдает «свойственное женщинам предпочтение утончённых, завуалированных и уклончивых номинаций» [3, с. 142].

Согласно узбекскому лингвисту А.Ж. Омонтурдиеву, «Эвфемизмы принадлежат языковым универсалиям, при помощи которых хотят завуалировать, закамouflировать некий смысл, который говорящий почему – либо считает неудобным обозначать прямо» [4, с.116].

Межъязыковые сопоставления эвфемизмов только ещё начинаются. В данной статье, мы особое место отводим исследованию менталитетам двух различных народов, и их национальным обычаям и традициям, что очень тесно связано с речевой культурой общества в целом. Так как, в настоящее время общепринятым является мнение о том, что как в культуре, так и в языке каждого народа присутствует универсальное (общечеловеческое) и национально-специфическое единство. В то же время в любой культуре имеются присущие только ей культурные значения и особенности, закреплённые в языке, моральных нормах, убеждениях, поведении и т.п. Менталитет и концептосфера тесно связаны и взаимодействуют в процессах мышления.

Гендерный фактор играет значительную роль в употреблении эвфемизмов. Его влияние обусловлено, в первую очередь, желанием избежать дискриминации человека по его половой принадлежности, уважительным отношением к личности.

В соответствии с направленностью данной научной статьи на сопоставительные лингвокультурологические особенности эвфемизмов базой исследования выступают два разносистемных языка, анализируемых в аспекте отражения, накопления, хранения и передачи культурной информации, культурных кодов народа – носителя языка, что обеспечивает преемственность и развитие национальной культуры. Таким образом, базовыми представляются понятия – национальная языковая картина мира и национальная языковая личность.

Мы считаем, что культурный компонент отражается через внутреннюю форму слова, т.е. через гендерно-вежливые эвфемизмы. И в качестве иллюстрации к сказанному, можно привести в пример лингвокультурологический концепт «женщина», который мы анализируем по следующей схеме: 1) отражение сути концепта в каждой из анализируемых культур; 2) с позиции запретов (кому-либо, что-либо нельзя + какое-либо действие, если); 3) употребляемые эвфемизмы вместо табу, запретов; 4) лингвокультурологические поверья. При этом «в качестве главной предпосылки применения

вторичной номинации служит ассоциативное сходство денотатов объединяемых реалий; даже если оно незначительно возможно осуществить вторичное название, которое происходит за счет установления общих (интегрирующих) признаков, позволяющих объединить определенные реалии в один класс» [5, с.6].

Следует отметить, что лингвокультурологические эвфемизмы в анализируемых культурах имеют характерные, национально-специфичные, региональные особенности.

«Женщина» – универсальный лингвокультурологический концепт, понятие, характерное для обеих анализируемых культур. Традиционно «женщина» в русской и узбекской культурах имела жесткие ограничения в социальных, религиозных и общественных моральных прав. С давних времен, женщина, как среди узбеков, так и у русских, традиционно находилась в тени мужчины. Она являлась хранительницей домашнего очага, женой, матерью, воспитывала детей.

В контексте общекультурных универсальных ценностей «женщина» понимается неоднозначно. С одной стороны, женщина представляет собой нечто отрицательное, т.е. она являлась носителем отрицательных качеств, представляя негативный полюс ценностей в иерархии определенного мира, сочетая в себе источник бедствий для мужчины и прибежище дьявольских, темных сил. С другой стороны, женщина, находясь в зависимости от мужчины, являясь его помощницей, выполняла функции жены и матери детей. Следует отметить, что дискриминация женщин в правах и свободах наблюдается и сейчас, на современном этапе, хотя не столько ярко выражена. Женщина не воспринимается как лидер из-за традиционных устоявшихся стереотипов и философских верований. Например, в коммуникативной ситуации-прием на работу при предъявлении одинаковых резюме (диплом, сертификаты, характеристики, умения, знания и т.д.) мужчиной и женщиной предпочтение отдается мужчине, шансов устроиться на работу больше у мужской нежели у женской половины общества.

В рассматриваемых культурах запрещалось называть в прямой номинации – беременную женщину, употреблялись следующие гендерно-вежливые эвфемизмы, например, рус.: **беременная** – эвф. будущая мать, в (своём) марьяжном интересе, в положении, в интересном состоянии, ждет пополнения, в деликатном положении, ожидающая, на снастях, в тягости и т.д.; узб.: **bo'goz (беременная)** – эвф. boshqoronqu bo'lmoq (находящаяся под контролем), bo'yida bo'lmoq (не имеет перевода, т.е. не имеет эквивалента в русском языке), vujud (тело), gavhar (жемчуг), gumon (не имеет перевода), gumoni bor

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.997
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

(не имеет перевода), donni cho'qimoq (перемальвает зерно), doq paydo bo'lmoq (время иметь пятна на лице), dujon (не имеет перевода), duqat duqat (не имеет перевода), ikkiqat (двое), ko'ngli sust ketmoq (обескураженная), natija hosil bo'lmoq (ждет результаты плода), nishona paydo bo'lmoq (идущая к цели), oy-kuni yaqin (близок день и месяц), oyog olishi galati (странно ходящая), oyogi ogir (тяжелая нога), ota salobidan ona botiniga boglanmoq (быть привязанным к утробе матери, приветствие от отца к утробе матери), ogirbo'yu (тяжелая), uchinchi kishi (третий человек), uchinchi odam (третий человек), zida dogi bor (у нее есть пятно), yukli (загружена), yukli bo'lmoq (быть загруженной), qornida bir nimani sezmoq (что-то чувствуется в утробе), surgunida bor (в изгнании, перевод путем кальки) и др.

С древних времен, и по сегодняшний день традиционно, узбекским менталитетом является то, что дочерям и женщинам запрещалось и запрещается называть имена своих родителей, имя мужа, а также имена родственников мужа, поэтому лингвокультурологический концепт «женщина» в анализируемых культурах имеет свои национально-специфические особенности.

В узбекской культуре женщина характеризуется следующими особенностями и чертами:

- хранительница очага (o'choq); ассоциируется с уютом в семье; все управление и ведение домашнего хозяйства было на плечах женщины;

- продолжательница рода, жизни; мать детей;
- строго следуя древним традициям девочку в семье всесторонне обучали и прививали навыки, различные умения: от этикета и почитания традиций до ведения и управления домашним хозяйством. Это делалось для того, чтобы в будущем достойно и выгодно выдать дочь замуж;

- в узбекской семье девочке, будущей невесте с самого рождения готовилось приданное. Эта традиция сохранилась и в наши дни. В приданое невесты входит все необходимое для будущей семьи, причем это делается с запасом, чтобы в течение 5-6 лет молодая семья ни в чем не нуждалась.

Итак, в узбекской культуре дочерей почитают как высшую драгоценность семьи, а мудрая женщина управляет незаметно.

В русской культуре отношение к «женщине» отразилось в славянской мифологии, древних языческих верованиях. С одной стороны, с Мокошью – единственным женским божеством в языческом пантеоне – было связано не только благополучие девичьих судеб, но и плодородность земли и хороший урожай. «Мать – сыра земля» – постоянный эпитет высшего женского начала. С другой стороны, женские образы связаны с

темным, плохим, то есть они соотносятся с проявлением негативных качеств.

Суть отношения к женщине в русской культуре отражена в народных поговорках: «Кто кого любит, тот того лупит», «Коли муж не бьет, значит, не любит»; «Не верь коню в поле, а жене на воле», то есть неволя считалась принадлежностью женского существа. Традиционно русские женщины верили и считали, что они, в самом деле, рождены для того, чтобы их били мужа и сами побои были признаком любви.

Женщина в русской культуре характеризуется следующими особенностями и чертами:

- традиционно дочерей воспитывали и держали в строгости;

- обучали девочек различным умениям по ведению домашнего хозяйства;

- сохранение невинности девушки было основным требованием, критерием при выдаче замуж;

- девушка не знала до замужества своего жениха;

- мать не имела влияния на своих детей, так как знатной женщине считалось неприличным кормить грудью детей, их отдавали кормилицам. Няни и дядки воспитывали детей под руководством и властью отца семейства;

- женщина без позволения мужа не смела никуда выйти из дома; за стол садились только после отца семейства;

- в домашнем быту женщина не обладала какой-либо властью, даже в ведении хозяйства.

Следует отметить, что только в начале XVIII в. в жизни русской женщины начали происходить изменения, т.е. в обществе был выдвинут принцип гуманизма, интерес к человеку, как к личности.

Сейчас, на современном этапе женщины имеют одинаковые права с мужчинами, но определенная дискриминация женщин присутствует и сейчас, отражающаяся в выражениях: хозяин-барин, муж-глава, отец семейства.

Таким образом, анализ лингвокультурологического концепта «женщина» в рассмотренных русской, узбекской культурах позволяет сделать следующие обобщающие выводы.

1. Понятие «женщина» универсальный лингвокультурологический концепт характерный для обеих культур вне зависимости от вероисповедания.

2. Для анализируемых культур характерно то, что традиционно женщина была ограничена социальных, религиозных, политических, юридических, общественных, моральных правах.

3. Функциональные обязанности женщины ограничивались рамками семьи.

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.997
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

4. Основное предназначение женщины заключалось в том, что она обустроивала весь быт и вела хозяйство семьи; была женой, матерью, воспитывала детей.

5. Лингвокультурологический концепт «женщина» в анализируемых культурах в своей принципиальной сущности понимается однозначно (одинаково), но различается трактовками по отношению к данному понятию.

Кацев А.М. в своих работах по исследованию эвфемии указывает на лингвистические критерии идентификации эвфемизма. К ним он относит, во-первых, вторичную номинацию. Под вторичной номинацией понимается использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции – функции наречения [6, с. 15]. При этом «в качестве главной предпосылки применения вторичной номинации служит ассоциативное сходство денотатов объединяемых

реалий; даже если оно незначительно – возможно осуществить вторичное название, которое происходит за счет установления общих (интегрирующих) признаков, позволяющих объединить определенные реалии в один класс» [7, с. 6].

В тени данных мотивов скрывается оценка как результат переосмысления окружающего мира с позиции разных ценностей [8, с. 262]. Стоит отметить, что, несмотря на разность подходов, круг эвфемизируемых явлений в языке достаточно однообразен в своем проявлении, как в русском языке, так и в узбекском. Это, на наш взгляд, обусловлено глубокими философскими учениями, религиозными верованиями, национально-специфическими культурными традициями, иерархической структурой власти, политической системой общества и т.д.

References:

1. Senichkina, E.P. (2008). *Slovar` jevfemizmov russkogo jazyka*. (p.464). Moscow: Flinta: Nauka.
2. Vi`danova, G.A. (2008). *Gendernyj aspekt jevfemizacii* (na materiale anglijskogo jazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. (p.7). Birk.
3. Haritonova, V.Jy. (2016). *Jevfemizizm kak sredstvo neprjamoj kommunikacii*. Problemy sovremennoj lingvistiki v kontekste antropocentrizma: Sb. st, Saratov: Sarat. soc.-jekon. in-t (filial) RJeU im. G.V. Plehanova, (p. 142).
4. Omonturdiyev, A.Zh. (2000). *Jevfemisticheskie osnovy uzbekskoj rechi*. (p.277). Tashkent.
5. Babina, L.V. (2003). *Vtorichnaja reprezentacija konceptov v jazyke*. (p.341). Tambov.
6. Kacev, A.M. (1976). *Jevfemizmy i sinonimija*. Nauchnyj trud, Omskij Gosudarstvennyj Pedagogicheskij Institut im. A.M. Gor`kogo, vyp. 1, pp. 166-172.
7. Babina, L.V. (2003). *Vtorichnaja reprezentacija konceptov v jazyke*. (p.341). Tambov.
8. Aleksikova, Jy. V. (2009). *Jevfemija kak chastnyj sluchaj sinonimii* / Jy. V. Aleksikova. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, Tomsk: TGU, № 6 (74), pp. 261-267.
9. Kovshova, M. L. (2007). *Semantika i pragmatika jevfemizmov: kratkij tematicheskij slovar` sovremennyh russkih jevfemizmov*. (p.320). Moscow: Gnozis.
10. Krysin, L. P. (1996). *Jevfemizmy v sovremennoj russkoj rechi. Russkij jazyk konca XX stoletija* (1985-1995). (pp.384-407). Moscow: Jazyki rus. kul` tury.
11. Telija, V.N. (1997). *Vtorichnaja nominacija i ee vidy*. (p.305). Moskva.